

Буряк В.В.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОСТРОЕНИЮ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО КАРКАСА НООСФЕРОЛОГИИ

1. Основная проблема и цель исследования

Современное естествознание неуклонно дифференцируется и специализируется. Особенно это проявляется в сфере прикладной науки. Одной из наиболее *актуальных проблем* методологии и философии науки является выявление общих методологических и теоретических оснований естествознания в целом, учитывая при этом специфические различия в области предмета и методов отдельных «наук о природе». В представленном исследовании ставится *проблема* построения единого концептуального пространства естествознания на основании учения о ноосфере (ноосферологии), существующего пока скорее как философская идея, проект, нежели общепризнанная научная дисциплина. *Цель работы* – рассмотрение возможностей конституирования, обоснования методологических принципов, определение предмета ноосферологии, создание глоссария ноосферологии. Для этого нужно решить ряд задач в рамках историко-научного и собственно методологического дискурсов. Необходимо уточнение диспозиции дисциплин, изучающих ноосферу, учитывая изначально многоуровневый характер предмета исследования.

Если в начале XX века у Э. Леруа и Гейяра де Шардена понятие ноосферы было связано с католической теологией, то позднее, В. И. Вернадский использовал понятие уже как учёный-естествоиспытатель. Это был важный шаг в сторону конституирования термина как элемента академической науки. Однако в течение нескольких десятилетий ни в СССР, ни в других странах не было успешных попыток определить статус и место «ноосферы» в естественнонаучной картине мира. Это происходило отчасти и потому, что собственно единой целостной непротиворечивой картины мира не было.

В течение последних десятилетий, в связи с экспоненциальным развитием информационных и других высоких технологий, а также с увеличением финансирования научных исследований в странах постиндустриального мира, намного увеличилось количество наук и эффективных технологий. Стала очевидной опасность появления таких технологий, которые способны радикально изменить мир живой и неживой природы (биотехнологии и нанотехнологии). Значительно возросла потребность в прогнозировании роста научного и технологического знания. Проблема контроля и рисков, связанных с использованием результатов научных исследований, является сегодня наиболее важной, учитывая интенсивность процесса глобализации.

Эти факторы указывают на актуальность поисков единого теоретического основания естественнонаучной картины мира и места в нём «человека разумного». Учение о ноосфере и понятие ноосферы, в качестве ключевых его элементов, могут стать концептуальной «точкой отсчёта» для решения задачи.

2. Эволюция системы рационального знания

Учение о ноосфере появилось как результат развития рационально организованного знания европейского типа. В термине «ноосфера» содержится и основной смысл рационального. То, что соотносимо с существованием *homo sapiens*, с его сознанием, наличной и предполагаемой деятельностью – разумно, рационально. В совокупности это и есть содержание ноосферы, то есть: психически вменяемые люди, обладающие речью, а следовательно и мышлением (или наоборот); имеющиеся и возможные условия и способы коммуникации, а также необходимые технические средства для адекватного описания мира и последующего изменения этого мира (причём многократно уже изменённого).

Тут можно выделить: *антропологическую* составляющую ноосферы (совокупность *homo sapiens*); *коммуникативную* составляющую ноосферы (совокупность условий и способов производства коммуникативных актов); *техническую / технологическую* составляющую ноосферы (совокупность интеллектуальных и материальных инструментов для изменения мира и самого человека и этих самых технических средств). Все эти составляющие (части, элементы) обладают общими характеристиками: универсальностью (на теоретическом и предметно-эмпирическом уровнях); бесконечным совершенствованием / самосовершенствованием; циклически организованной рефлексией на основе принципа ретроспекции / актуализации / футурации, то есть рациональной синхронизации анализа прошлого / настоящего / будущего.

Уже в архаическую эпоху, до существования письменности, возникают множественные системы означивания вещей, отношений и процессов окружающего мира и внутренних переживаний человека. Постепенно письменная форма фиксации означивания приводит к тому, что возникают отдельные формы организованного знания. В то время рациональные формы эклектично или синкретично соединены с нерациональными, эзотерическое знание смешано с экзотерическим. Такова древняя «восточная наука» (Китай, Индия, Вавилон, Египта), где метеорология и «народные приметы», астрономия и астрология, математика и нумерология, металлургия и алхимия, медицина и знахарство / шаманизм представляют собой сложный конгломерат вымыслов, ассоциаций, точных наблюдений, отдельных рациональных конструкторов - фундаментальных иерархически целостной мифологической картины мира [1]. Эта система знаний постоянно меняется, трансформируется.

Можно выделить *четыре этапа* эволюции системы рационального знания европейского типа. *Первый этап* характеризуется синкретизмом научного знания, когда систематика носит скорее ситуационный характер. Наиболее развитая форма синкретизма рационального типа сформировалась в Древней Греции к IV в. до н. э. (систематика знаний у Платона и Аристотеля). Эпистемология («диалектика») занимала ключевое положение в системе наук, поскольку являлась методологическим обоснованием любого рационального знания.

Второй этап сформировался в XI – XII вв. в рамках европейской схоластики. Однако рациональное по

методу знание (аристотелевская силлогистика) применялось для решения проблем, конституируемых религиозными текстами.

Третий этап становления рационального знания оказался фундированным математическим и физическим знанием XVII – XVIII веков, и эпистемология вновь стала занимать ключевое место в системе достаточно дифференцированного естествознания в первую очередь. Завершением этого этапа стала универсальная система знания, созданная Гегелем («Энциклопедия философских наук», Т. 1 - 3) [2]. Но ещё при жизни Гегеля учёные (прежде всего естествоиспытатели) подвергли резкой критике как систематику наук, так и эпистемологию немецкого философа.

Попытки Конта и Маркса реформировать систематику знания, опираясь на эмпирические исследования, были достаточно амбициозны и на первом этапе результативны. Тем не менее, усиливавшаяся дифференциация научного знания породила кризис в области поисков единого методологического основания научного знания в целом и естествознания в частности.

Четвёртый этап начинает формироваться после изобретения паровой машины Дж. Уаттом, то есть со времён промышленной революции в Британии (конец XVIII века). Этот этап характеризуется *доминированием технико-технологического применения рационального способа мышления*. Прикладные и инженерные науки постоянно теснят академические исследования, благодаря приоритетному финансированию и очевидной производственно-практической результативности. Особенно интенсифицируются инженерно-технические знания в 20 – 40 годах XX века, в ходе развёртывания НТР. Этот процесс усиливается благодаря тотальной мобилизации европейских экономик в перспективе надвигающейся Второй мировой войны. Тогда собственно и возникает философская рефлексия на беспрецедентно всеохватывающую активность и эффективность «технического разума» – появляются рефлексивно-прогностические работы и конституируется новая философская дисциплина – «философия техники» (Шпенглер, Хайдеггер, Ясперс и др.). Однако эти философы лишь поставили своего рода культурологический «диагноз» своему времени и осуществили беспристрастную критику европейской цивилизации.

Фактически в то же самое время усилиями В. И. Вернадского, Э. Леруа и Тейяра де Шардена было положено основание новой систематике и тематизации научного знания, более содержательному анализу существующего положения дел в ситуации – «человек - природа». Благодаря обоснованию и введению в общенаучный оборот «ноосферы» как идеи и концепта, учёные попытались более фундаментально подойти к проблеме «человеческого фактора» в эволюции планеты Земля. Привлечение знаний из минералогии, биологии, палеонтологии, общей теории эволюции, философии и многих других наук позволило объективировать взгляды на роль, значение и место человека в современном мире. Проверка временем подтвердила эвристичность и продуктивность теоретических принципов и инициатив, объединяемых понятием «ноосфера». Учитывая сложность предмета ноосферологии, следует рассматривать и ноосферу и научное познание в самом широком спектре методологического сознания [3], а также взаимосвязь науки, философии и деятельности [4, 5]. Практические и прогностические аспекты функционирования академической науки всё больше выдвигаются на передний край систематического познания мира.

3. 1. Конституирование междисциплинарного дискурса: методологические проблемы ноосферологии

Существование человека в современном мире во многом зависит от эффективности механизмов адаптации в условиях многократного увеличения скоростей. Изменения вещей, производственных отношений, технологий, коммуникаций стимулируют развитие форм познания. Начиная с XVII века выдающиеся европейские философы и учёные Бэкон, Декарт, Спиноза, Локк, Лейбниц и многие другие уделяли первостепенное значение построению методологических оснований научного познания. Коротко говоря, *научная методология* представляет собой систему рационально сконструированных инструкций для получения объективного знания.

Скоростные технологические, экономические, политические, демографические, экологические и другие фундаментальные сдвиги в глобализирующемся мире носят сложный комплексный характер. Сегодня, в связи с интенсификацией вышеназванных и других тенденций, общая направленность мирового развития обозначается при помощи достаточно размытого понятия-клише – «глобализация». Все изменения происходят на фоне многовекторных, противоречивых и зачастую спонтанных процессов планетарной интеграции. Весьма сложно найти достаточно масштабную теоретическую схему, в рамках которой все происходящие и последующие события могли бы вписаться и в дальнейшем прогнозироваться как взаимосвязанные и взаимозависимые явления.

На наш взгляд, таким масштабным универсальным концептуальным каркасом может стать *учение о ноосфере*, в общих чертах разработанное учёными в 20 – 40 гг. XX в. В начале XXI в., учитывая новейшие научные открытия, технологические, экономические, коммуникативные инновации, по своей масштабности с этим учением не может пока что конкурировать ни одна другая концепция. Понятие ноосферы позволяет охватить множество ключевых проблем современности – эволюцию в целом, социальную эволюцию, глобальную экологию и другие проблемные поля. Это признают сегодня многие исследователи [6].

Методология должна выстраиваться с учётом многократного увеличения «баз данных», чему способствует прежде всего прогресс в области информационных технологий. На принципиальное значение совершенствования методологической междисциплинарной «матрицы» указывал ещё В. И. Вернадский в работе «*Научная мысль как планетное явление*»: «Научный аппарат из миллиарда миллиардов всё растущих

фактов, постепенно и непрерывно охватываемых эмпирическими обобщениями, научными теориями и гипотезами, есть основа и главная сила, главное орудие роста современной научной мысли» [7, С. 67]. Научная методология с необходимостью должна учитывать количественный рост знания.

Направления методологической работы нужно в первом приближении ранжировать, определяя наиболее значимые и перспективные. Одной из значимых методологических проблем конституирования учения о ноосфере является соотношение эмпирических, экспериментальных и собственно теоретических исследований. *Соотношение прикладных и фундаментальных исследований* в рамках новой науки – ноосферологии станет методологической «точкой отсчёта» в ближайшей и отдалённой перспективах развития этого направления научного познания.

3. 2. Уровни моделирования актуальных методологических инициатив

Методология в контексте *междисциплинарного исследования*, охватывающего аспекты существования неорганической, органической природы, общества, технологий и последствий их применения должна быть достаточно всеохватывающей. Особое внимание необходимо обратить на практические импликации общенаучных и технологических разработок. Можно выделить несколько уровней моделирования методологических инициатив:

- антропо-технологический уровень: способы психо-физиологической адаптации к продвинутым высокотехнологичным средствам жизнеобеспечения и производства;
- прогностический уровень: создание теоретико - познавательного инструментария для понимания наличной ситуации и необходимости производства интеллектуальных технологий эффективного планирования;
- праксиологический уровень: формирование соответствующих адекватных способов коммуникации в ходе приспособления к меняющемуся коммуникативному пространству;
- аксиологический уровень: конструирование такой системы ценностей, которая создавала бы устойчивость межчеловеческих отношений (будучи основана на универсальных ценностях, традициях) и в то же время стимулировала креативное мышление и инновационную деятельность.

Ясно, что без рационального и системного постижения генезиса космоса, природы, общества, техники и человека будет сложно реализовать все остальные возможности. Адаптация растений и животных происходит на рефлекторно–инстинктивной основе уже сотни миллионов лет. В качестве *homo sapiens* человек всё чаще и основательнее использует собственный разум для понимания ситуаций, прогнозирования последствий и контроля за выполнением своих рационально обоснованных стратегий как индивидуально, так и в группах. Именно поэтому, в результате последовательной целерациональной деятельности, человечество стало изменять природные ландшафты, быстро перемещать огромные объёмы сырьевых и энергетических ресурсов в планетарном масштабе. Процессы, называемые *глобализацией*, являются результатом эффективной работы научно-технического разума.

Динамика развития научной мысли такова, что учение о ноосфере требует значительного переосмысления, теоретической «достройки». Основа учения, «идея ноосферы», «концепт ноосферы», безусловно, остаются. Однако открытия последних десятилетий в космологии, физике (нанотехнологии), геологии, географии, биологии (биотехнологии), информационных науках и проч. позволяют значительно усилить конструктивные принципы первоначальных вариантов учения, созданного конгениальными мыслителями: В. И. Вернадским, Э. Леруа и Тейяром де Шарденом. Кроме того, современное научное знание и новейшие информационные технологии дают возможность не только ретроспективно описывать и уточнять генезис ноосферы, но с достаточной аппроксимацией прогнозировать её дальнейшее развёртывание. Чтобы специфицировать современное учение о ноосфере и показать трансформацию самой идеи ноосферы, будем называть современный теоретический комплекс – *ноосферологией*. Представляется, что самое главное в построении этой перспективной дисциплины – создание надёжной системы мониторинга, управления, прогнозирования и контролирования технологически оснащённых планетарных (ноосферных) процессов.

Ноосферология: ключевые понятия

Конечно, понятие «*ноосферология*», как и ключевое понятие «*ноосфера*», имеют различные интерпретации [8]. Мы не настаиваем на том, что наше видение является единственно правильным и истинным. Это просто лишь один из научных «проектов» построения современного учения о ноосфере. Поэтому термин «*ноосферология*» нами используется синонимично выражению «*современное учение о ноосфере*».

Теоретическая ясность с необходимостью требует сопоставления и сравнения таких понятий: «*ноосфера*», «*учение о ноосфере*», «*ноосферология*», «*идея ноосферы*», «*концепт ноосферы*», «*рациональный*», «*рациональная деятельность*», «*homo sapiens*» и других, с целью определения степени их синонимичности относительно выражения смысла «рациональный / разумный», поскольку и у основателей учения о ноосфере, и у их последователей этот концептуальный аспект не вполне прояснён [9, 10]. Соотношение «разумной» и «неразумной» человеческой деятельности в контексте учения о ноосфере пока что недостаточно исследовано. Понятно, что представители различных академических и прикладных дисциплин имеют собственный «*проект ноосферы*», свои методологические средства, специальную терминологию. Проблематика ноосферы в силу масштабности, многоуровневости и сложности не может быть «приватизирована» ни отдельным исследователем, ни группой учёных, ни какой-либо научной дисциплиной (наукой). Сложности эмпирических описаний и теоретической презентации предмета ноосферологии, а также всей совокупности природных, социальных и когнитивных явлений, с ней связанных, таковы, что даже междисциплинарный исследовательский проект, включающий теоретическую мощь многочисленных отраслей современного естествознания, математики, социальных наук, гуманитарных дисциплин, наук о жизни (*life sciences*) и философии вряд ли сможет «закрыть» проблематику ноосферы в ближайшем будущем.

Отсюда следует, что *ноосферология* как наука, формирующаяся в поле междисциплинарного дискурса (а впоследствии и как учебная дисциплина) должна быть открыта для постановки и обсуждения методологических стратегий: естествознания, математики, социальных наук, гуманитарных дисциплин и философии [11]. Собственно говоря, эта цель уже имплицитно содержится во многих работах Вернадского, Леруа и Шардена.

Научная методология эпохи модерна картезианско-лейбнецианского типа, дедуцирование всей систематики научного знания из нескольких простых основоположений, проект «*mathesis universalis*» не могут эффективно работать в условиях экспоненциального роста эмпирических данных и многократной дифференциации поля современной науки. Это отчётливо понимал уже В. И. Вернадский в первой половине XX в. Не отвергая универсальные методологические подходы, учитывая быстро растущую специализацию науки, основатель учения о ноосфере предлагает вести исследование, отталкиваясь от конкретных проблем, а не только развивать теорию высокого порядка. «У нас очень часто относятся к специализации отрицательно, но в действительности специализация, взятая по отношению к отдельной личности, чрезвычайно усиливает возможности её знаний, расширяет научную область, ей доступную. Дело в том, что рост научного знания XX в. быстро стирает грани между отдельными науками. Мы всё больше специализируемся не по наукам, а по проблемам. Это позволяет, с одной стороны, чрезвычайно углубляться в получаемое явление, а с другой – расширять охват его со всех точек зрения [7, с. 67].

Выделение списка проблем формирования, существования и возможных трансформаций ноосферы является приоритетным в развитии ноосферологии. Проблематизация в рамках междисциплинарности – это значительное эпистемологическое преимущество. В то же самое время это пограничное методологическое местоположение предметного поля ноосферы указывает на фундаментальную теоретико-познавательную проблему – эпистемологический разрыв между естественнонаучным, социальным и гуманитарным познанием.

Прежде всего необходимо уделить серьёзное внимание концептуально-терминологическому аппарату ноосферологии. Первоочередная задача философов, изучающих тематическое поле ноосферы, заключается в поиске методологических «точек сборки», которые позволяли бы конструировать новый концептуальный каркас для описания, познания и понимания развития природы, какой она может стать ввиду усиления технологического разума.

Ключевым элементом третьего этапа систематизации научного знания был поиск эффективного воздействия на природу, тотальное «овладение» ею, неограниченное её использование. Тут нужно вспомнить мичуринский императив: «Мы не должны ждать милостей от природы, взять их у неё – наша задача». В нём явственно выражен «сади́стско-просвещенческий пафос» апологии рационально обоснованного насилия как универсального «золотого ключика»/«отмычки» и в то же время – высшей ценности. Если в фразе «милого интеллигентного селекционерера», «народного академика», вместо слова «природа» поставить слово «женщина», то глубинный смысл «проекта Просвещения» станет вполне очевидным – «владей и неограниченно пользуйся» – природой.

Завершение «проекта Модерна» как раз и совпало с катастрофой дегуманизации. В тридцатых – начале сороковых годов XX века торжество «механо-технологического разума» проявилось в создании инженерно-технических и административно-управленческих, рационально организованных, «совершенных» сооружений – «фабрик смерти», концентрационных лагерей [12].

В это же самое время, когда инструментально-технический разум праздновал свою «Пиррову победу», а гуманистические ценности потерпели катастрофическое крушение, самое масштабное за всю историю человечества, В. И. Вернадский, Э. Леруа и Тейяр де Шарден создавали теоретические условия для создания нового научного направления и – сейчас уже это очевидно для новой планетарной идеологии. В отличие от религии, политической идеологии, научной теории, учение о ноосфере – это не доктрина с готовым набором решений, а исследовательский проект, учитывающий как принципы построения естественнонаучного знания, так и существование трансформирующейся системы ценностей, фундирующих *гуманистику* (гуманитарные дисциплины, социальные науки) во всём её разнообразии.

Поэтому выяснение степени предметных и методологических различий, взаимосвязей и взаимодополнительности научных полей и конкретных дисциплин становится важнейшей задачей для консолидации в теоретической сфере. Это предварительное условие достижения возможного консенсуса относительно дальнейшего развёртывания и контроля новейших технологий.

Эпистемологическая проработка концептуальных оснований ноосферологии позволит конструктивно решать проблемы последствий кардинального изменения биосферы, что вполне возможно вследствие реализации сценариев «управляемой эволюции» (выведение принципиально новых видов растений, животных и человека), радикального изменения природы, создания «нового Эдема», «мира по дизайну» [13, 14, 15]. «Управляемая эволюция» как продолжение развития генетики уже несколько десятилетий незаметно, но всё более масштабно реализуется в многочисленных биотехнологических лабораториях по всему миру. Благодаря генной инженерии и работе со стволовыми клетками, уже получены лабораторные экземпляры мышей и червей, продолжительность жизни которых превышает в два раза срок жизни этих видов, живущих в естественной природной среде. К тому же многообещающие проекты нанотехнологий, по-видимому, позволят влиять на эволюцию земной литосферы, атмосферы и позволят создать искусственную среду обитания на близлежащих космических объектах.

3. 4. Предметный анализ учения о ноосфере и общенаучный глоссарий ноосферологии как теоретическая проблема

Каждая наука отличается от других наук специфическим предметом изучения, понятийно-категориальным аппаратом (терминологией) и методами исследования. Конечно, одинаковые понятия и методы могут использоваться в ряде наук, это так называемые общенаучные методы и понятия. Однако даже одно и то же понятие имеет различное смысловое содержание в зависимости от того, в поле какой научной дисциплины оно функционирует.

«Учение о ноосфере» и само ключевое понятие «ноосфера» возникли на пересечении естественнонаучного и философского дискурсов. Научно-философская рефлексия в этом направлении за последние десятилетия не продвинулась настолько, чтобы «ноосферология» обрела полноценный академический статус. Пока что ведутся достаточно широкие дискуссии о ноосферологии и её месте в системе научного знания. То, что существуют отдельные продвинутые публикации в этом плане, не меняет ситуации в целом. Пока что речь идёт о новом научном направлении в рамках существующих академических дисциплин. Специфицировать ноосферологию как самостоятельную академическую науку или развивать её как субнауку в пределах уже существующих наук – вопрос времени. Но в качестве первого шага всё же необходимо создать ситуацию перманентного «мозгового штурма» для прояснения предметного, терминологического и методологического сегментов ноосферологии.

В первом приближении нужно определить в самых общих чертах предмет ноосферологии. Если бы мы указали на ноосферу как предмет ноосферологии («ноосферология – наука о ноосфере»), то попали бы в ловушку тавтологии. Поэтому сформулируем предмет описательно. Предметом ноосферологии является совокупность мыслительных актов *homo sapiens*, систем коммуникации (в техно-технологическом и социальном многообразии), функционирующих на когнитивной основе, рациональных практик (деятельности), артефактов. Разумеется, что такое определение предмета не является исчерпывающим. Тем не менее, здесь выделены основные характеристики ноосферы: технологии рационального мышления, целенаправленная организованная (целерациональная) деятельность и её результаты.

Междисциплинарные исследования могут быть реализованы только в том случае, если между учёными, представляющими различные поля академической науки, возникнет взаимопонимание того, на каких методологических основаниях работают соответствующие дисциплины и что означают базовые термины этих дисциплин. Причём вовсе необязательно приходиться к единой точке зрения. Она недостижима даже для учёных, находящихся в рамках одной дисциплины – всегда есть приверженцы разных школ и направлений, это особенно ясно, например, в философии.

Поэтому очень важно, на наш взгляд, прояснить междисциплинарный дискурс о ноосфере в области общенаучной и специальной терминологии. Понятия: «ноосфера», «биосфера», «антропогенное влияние», «техногенное влияние», «устойчивое развитие», «экология», «техносфера», «инфосфера», «ноосферология» и другие должны служить горизонтом междисциплинарного исследования ноосферы.

3. 5. Спецификация уровней ноосферы как фундаментальная задача ноосферологии

После того как определён предмет, возникает необходимость его масштабирования. Если в самом общем (универсальном) определении схватывается философский аспект ноосферологии (см. выше), то для других наук, которые специализированы и не претендуют на предельные обобщения, нужно выделить соразмерные их методологиям и понятийному аппарату предметы изучения. Конечно же, философы или кто-то ещё другой не могут распределять «зоны академической компетенции» и, следовательно, ответственности. Возьмём на себя смелость «расчертить карту ноосферы». На наш взгляд, исходя из этимологических оснований понятия «ноосфера» [11], можно попытаться «внутри» этой предметной области выделить другие «сферы»: «экоферу», «коммуникативную сферу», «информационную сферу», «техносферу» и другие. Список, естественно, можно и нужно продолжить. Но возникает вопрос о статусе научных дисциплин, которые достаточно компетентны для того, чтобы разрабатывать отдельную предметную область. Либо это будут субдисциплины уже существующих наук, либо будет конструироваться специфический междисциплинарный дискурс. Представляется, что сначала должна формулироваться какая-либо конкретная проблема, после чего уже и определяется методология, уточняется предмет и вырабатывается специальная терминология.

Есть другой путь: постоение научной программы, синтезирующей в себе фундаментальные теории естествознания, философии, социальных наук, гуманитарного знания и так далее. Но учитывая то, что даже каждая наука не фундирована одной концепцией, а чаще всего «раздираема» теоретическим противостоянием нескольких конкурирующих концепций, этот путь явно малопродуктивен для начала разработки такого сложного и многоуровневого предмета, как ноосфера.

Выводы. Для построения ноосферологии как эффективной и развивающейся академической дисциплины необходимо подготовить масштабный методологический базис. Ключевыми задачами в этом направлении должны быть: выделение предмета ноосферологии; определение общенаучных методологических подходов; выявление проблемного поля междисциплинарных исследований; отделение проблематики фундаментальных и прикладных исследований; создание базового глоссария основных понятий междисциплинарного дискурса ноосферологии.

Источники и литература

1. Очерки истории естественно-научных знаний в древности. – М. : Наука. – 1982.
2. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. – Т. 1 – 3. – М. : Мысль, 1974.
3. Методологическое сознание в современной науке / П. Ф. Йолон, С. Б. Крымский, Б.А. Парохонский и

- др. – К.: Наукова думка, 1989.
4. Щедровицкий Г. П. *Философия. Наука. Методология.* – М.: «Наука», 1997.
  5. Юдин Б. Г. *Методология науки. Системность. Деятельность.* – М.: Наука, 1997.
  6. *The Biosphere and Noosphere Reader: Global Environment, Society and Change* (by Samson Paul R.). – Routledge, 1999.
  7. Вернадский В. И. *Научная мысль как планетное явление.* – М.: Наука, 1991.
  8. Багров Н. В. *Вернадский, ноосферология, геополитика // Культура народов Причерноморья.* – Симферополь, 2001. – №17. – С. 9–11
  9. Назаров А.Г. *К истории возникновения понятия и термина «ноосфера» // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2000.* – М.: ИИЕТ РАН. – С. 228–229.
  10. Наумов Г. Б. *О понятии «ноосфера» // Науковедение.* – М.: Наука, 2002. – 3(15). – С. 86 – 96.
  11. Буряк В. В. *Историческая трансформация учения о ноосфере: эпистемологический аспект // Учёные записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Серия «Философия. Социология».* Симферополь. – 2006. – Т. 19 (58) № 2. – С. 30 – 41.
  12. Хоркхаймер М., Адорно Т. *Диалектика Просвещения. Медиум, Ювента.*–М. – СПб.: 1997. – 311 с.
  13. Mulhall D. *Our Molecular Future: How Nanotechnology, Robotics, Genetics and Artificial Intelligence Will Transform Our World.* - Prometheus Books, 2002.
  14. Young S. *Designer Evolution: A Transhumanist Manifesto.* – Prometheus Books, 2005.
  15. Silver L. M. *Remaking Eden.* – Harper Perennial, 1998.

Кочнова О.А.

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ЦЕРКОВНЫХ И СЕКУЛЯРНЫХ РЕФОРМ 988-1917 гг.

Развитие украинского общества характеризуется существенными изменениями в социально-экономической, политической, и культурной сферах. К ним, в частности, можно отнести, появление безработицы, увеличение категорий нуждающегося населения, недостаточное государственное финансирование науки, образования, культуры и т.д. Все это приводит к поиску и совершенствованию иных, негосударственных форм поддержки социальной сферы. Поэтому особого внимания требует процесс осмысления такого общественного феномена, как благотворительность.

В научной литературе отсутствуют специальные исследования, объектом которых являются природа и сущность благотворительности как социокультурного явления. Есть отдельные исторические, философские и культурно-логические работы, посвященные отдельным проблемам благотворительности. Почти мало теоретических работ, посвященных благотворительности и милосердию как ценностным категориям. Большее количество фактов можно найти в исторических трудах, посвященных конкретным периодам истории, мировоззрению, отдельным историческим лицам, вопросам этики, истории той или иной конфессии. Как правило, авторы такого рода трудов имеют свою довольно четко определенную идейную позицию. Очень часто встречается противопоставление «своей» и «чужой» филантропии, которая, по мнению авторов, является фальшивой и неистинной.

В связи с вышеизложенными фактами, представляется необходимым исследовать не только генезис благотворительности, но и влияние церковных и секулярных реформ на ее восприятие и осуществление.

После крещения Руси (988 г.) осуществляется первый опыт переноса на отечественную почву зарубежных общественных форм и практик. Так как для средневековой Руси Византия была образцом организации государства и общества, на отечественную почву преобразователи постарались перенести как можно больше образцов византийского уклада жизни общества, максимально возможное количество законодательных документов. Происходило сращивание канонов церковного права с нормами гражданского права. В соответствии с греческими образцами создавались такие направления благотворительности как княжеская и церковно-приходская благотворительность [9, сс.39–40]. Создавалась также галерея лиц, призванных быть образцами для подражания. Многие князья и епископы русского средневековья были канонизированы. В житиях святых и в русских летописях обязательно упоминается, что данный князь был «страннолюбив», «нищелюбив», защищал сирот, вдов, кормил монахов, защищал путников и был преисполнен других добродетелей [7, с.27, 144].

И в более поздней отечественной православной литературе утверждалось, что любовь к ближним во всех ее проявлениях была самой отличительной чертой восточнославянского народа, а сама любовь к ближнему обычно понималась как раздача милостыни. В феодальный период истории Руси осмысление благотворительности происходило, прежде всего, в парадигме идей и представлений, заимствованных из византийского православия. Официальной идеологией милосердия и благотворительности было нищелюбие [1, с.37–39]. Забота о нищих, инвалидах, сиротах считалась самым надежным средством обретения христианских добродетелей и спасения души. Одним из первых об этом заговорил Владимир Мономах в своем «Почуении» 1117 года [8, с.10]. Аналогичные высказывания встречаются и у преподобного Иосифа Волоцкого (1440–1515). В своей широко известной в позднем средневековье книге «Просветитель» он цитирует мысли Макария Великого, Григория Богослова о милосердии и прощении. В Слове Четвертом, рассуждая о том, как Христос стал человеком, увещевает читателя: «...будь праведным, мудрым, утешителем скорбя-